

мгновеннаго. Она не только знаетъ, но сердцемъ чувствуетъ невозможность для этой жизни быть самоцѣлью. И вотъ почему она обращаетъ свой взглядъ на людей религіознаго исканія и отреченія, ибо «никто, никто не понялъ этого, кромѣ такихъ презрѣнныхъ Божьихъ людей... Оставить семью, родину, всѣ заботы, для того чтобы, не прилѣпляясь ни къ чему, ходить въ посконномъ рубищѣ, не дѣлая вреда людямъ и молясь за нихъ... Выше этой истины и жизни—нѣтъ жизни». И художникъ непостижимымъ чутьемъ проникаетъ въ «ея страстныя и нѣжныя мечты о странничествѣ, о тихой жизни въ Богѣ передъ полнымъ уходомъ въ вѣчность».

Толстой заставлялъ княжну Марью пройти полную дорогу земной жизни, и далъ ей мужа добраго, ограниченнаго, тяжело-земнаго. Но авторъ не забываетъ отмѣчать въ ней черты все той же отдаленности отъ внѣшняго движенія жизни, которое захватить ее не можетъ. Онъ показываетъ на ея лицѣ «строгое выраженіе затаеннаго высокаго страданія души, тяготящейся тѣломъ», когда обступаетъ ее насильно внѣшнее. Она такъ ужъ до конца донесетъ свою душу тихой монахини, отрывающейся восторгомъ и влеченіемъ души на все ясное и глубокое. Именно она подошла близко къ душѣ маленькаго Николеньки, стала ему товарищемъ въ его тоскѣ по героиче-